

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ А. ЧЕРНЕЦОВА И В. ЛЕЖЕНДЫ «СЛЕПЯЩАЯ ПУСТОТА»

Роман современных харьковских писателей-фантастов Андрея Чернецова и Валентина Лежнды «Слепящая пустота», вышедший в межавторском цикле «Вселенная Метро 2033» и посвященный родному городу соавторов, имеет довольно сложную структуру. В нем две основные сюжетные линии, связанные с двумя главными героями, - двенадцатилетним мальчиком Данькой, потерявшим отца и блуждающим в его поисках по станциям Харьковской подземки, и сорокалетним мужчиной по кличке Харон, охотящимся за пареньком по заданию некоего таинственного Круга адептов. Эти две линии перемежаются «романом в романе», представляющим собой книгу-вестерн, читаемую пареньком то в бумажном варианте, то по памяти. Линию Даньки писал Андрей Чернецов, а линию Харона и вестерн – Валентин Леженда.

Эпизоды «детской» сюжетной линии, по мнению Э.Козлова, «написаны несколько суховато, с обилием обстоятельных рассуждений» [4, 40]. Её литературными первоисточниками, как отмечал сам Андрей Чернецов в ряде интернет-интервью, послужили «Приключения Оливера Твиста» Чарльза Диккенса и «Маленький оборвыш» Джеймса Гринвуда. На это указывают как прямые реминисценции из данных текстов, так и совпадения сюжетных схем английских романов и истории юного оборвыша из Харьковского метро: раннее сиротство героя, неудачная женитьба отца и тирания мачехи-алкоголички, злоключения, могущественный враг, преследующий мальчика, добрые друзья и таинственный покровитель и т.п. Однако в этой линии, равно как и во всем произведении прослеживаются явные переключки не только с названными сочинениями, но и с Библией. Мы уже ранее рассматривали роман в плане изучения его архитектоники. В настоящей статье продолжим исследование «Слепящей пустоты» на предмет поисков в ней библейских мотивов и определения их функций в тексте книги.

Книгам Андрея Чернецова, как это неоднократно отмечалось критикой [3, 553], в целом свойственно наличие интертекста. Почти в каждом сочинении писателя можно встретить ряд мотивов, связанных то с некой мифологией (чаще всего древнеегипетской или восточной), то с конкретными произведениями мировой и русской литературы. Есть переключки и со священными текстами. Например, в романе «Плясун» автор ориентировался на Коран и Авесту. Библейские мотивы звучат у Чернецова реже, но также встречаются (в романах «Сети зла», «Обреченный рыцарь», «Звероликий»). Так, практически весь роман «Звероликий» построен на идее ложного мессии, Христа-самозванца (не антихриста, но лжепророка). Эта же идея легла и в

основу «Слепящей пустоты». Причем повторена многократно, на разных уровнях.

Мессианская идея вообще часто звучит в современной русской постапокалиптической фантастике, ставшей почему-то востребованной на рубеже XX и XXI веков. Смена веков, связанная с распадом огромной страны, смена поколений повлекли за собой необходимость осмыслить пройденное и попытаться заглянуть в будущее. Одно из наиболее значительных произведений такого плана было создано при деятельном участии писателей харьковской школы – роман «Рубеж», написанный Г.Л. Олди, А. Валентиновым и М. и С. Дяченко. Андрей Чернецов (Игорь Черный) читал этот роман и даже отозвался на его выход большой критической статьей «Украинский «Омен»». Его интерес к данной теме отразился и в рецензии на роман С. Лукьяненко «Холодные берега», названной «И поведет их всех ребенок», что напоминает об известном отрывке из библейской книги пророка Исаии [Ис. 11, 6-8].

Этот первый из двух основных эсхатологических текстов стал основным источником библейских мотивов в «Слепящей пустоте». Так, отрывки из 9 и 42 глав проецируются на весь сюжет с мальчиком-спасителем (названным в книге еще и в исламской традиции Махди). «Ибо младенец родился нам, - гласит первый отрывок, - Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела...» [Ис. 11, 6-7]. «Вот Отрок Мой, - сказано во втором фрагменте, - которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа моя. Положу дух Мой на Него и возвестит народам суд» [Ис. 42, 1].

В романе Чернецова и Леженды уже с самого начала намечен конфликт между лжепророками, которых в книге великое множество (апологеты, белые братья и их вождь Навуфей, учитель Александр Маркович), и чудесным ребенком, о котором провозглашали библейские мудрецы. Те же апологеты – это всего лишь мутанты, влияние которых «распространялось максимум на одно-единственное поселение или станцию метрополитена. Необъяснимая, отпугивающая чудовищ сила просыпалась только в замкнутом пространстве. Оказываясь за пределами форта, под открытым небом, апологет терял уникальные способности» [6, 45]. Иное дело чудо-отрок. Его власть распространяется и на подземное царство, из которого он, подобно Христу из апокрифов, выводит на свет Божий грешников, и на мир, лежащий на поверхности, и даже на то, что находится над этой поверхностью (эпизод с полетом на вороне-мутанте, полет на вертолете в финале романа). Как ребенок из видения Исаии, Данька покоряет самых разнообразных тварей: двуглавую змею, людей-обезьян, цветы-мутанты. Все они поклоняются ему, признавая божественную сущность мальчика.

Уже само имя маленького героя было выбрано не случайно. В нем есть намек еще на одного известного библейского пророка. Об этом говорит ключевой персонаж романа, инок Свято-Покровского монастыря отец Павел:

«Храни тебя Господь, отрок Даниил. Да выйдешь ты живым и невредимым из всех передраг, как твой тезка из рва со львами» [6, 105]. Как известно, именно апостол Павел способствовал тому, что христианство стало мировой религией, провозгласив: «Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников; потому что один Бог, Который оправдывает обрезанных по вере и необрезанных чрез веру» [Рим. 3, 29-30]. И впоследствии благословенный монахом Данька чудесным образом воскрешает злодейски убитого работорговцами отца Павла, повернув время вспять. Власть над Временем также принадлежит Создателю.

Интересно, что оживающего бронзового солдата-истукана со станции 23 Августа также зовут Павлом, Павлушей. И в руках у него автомат, который с определенного ракурса напоминал крест: «Когда памятник проектировали, то хотели сначала обычный «дегтярь» в руки дать, с диском, как положено. Но со стороны казалось, что Солдат держит в руках не автомат, а крест. Времена были суровые, безбожные. Представьте, как выглядел бы воин-освободитель с крестом в руках? Вот и заменили уже перед самым открытием диск на рожок. А солдат вроде как помнит, что диск был. Вот и ищет его теперь» [6, 279]. Солдат Павлуша осеняет этим крестом город греха, как святой Владимир на Киевской горке у Булгакова - одного из самых любимых авторов Чернецова. «Над Днепром, - поэтически звучит в финале «Белой гвардии», - с грешной и окровавленной снежной земли поднимался в черную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла - слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор» [2, 284]. Булгаков говорит о милосердии Господнем, о преображении человека, о чуде покаяния. О том же говорят и авторы «Слепящей пустоты». Совместные поиски Павлуши и Гарика-Вонючки диска-перекладины креста приводят к покаянию «мальчиша-плохиша» и предоставлению ему права исправить ужасную ошибку. Павлуша спасает душу иуды Гарика, а тот в свою очередь спасает от нелепой гибели отца Павла.

Не случайно и то, что 4-я глава, в которой происходит встреча отца Павла и Дани, названа на библейский манер «Смещение языков». Это прямая отсылка к тексту Священного писания, повествующему о строительстве Вавилонской башни. Харьков сравнивается с городом, ставшим в Библии олицетворением мирового зла. «Описанный соавторами Харьков, - отмечает Э.Козлов, - отличается от уже ставших привычными локаций постъядерного мира, придуманного Дмитрием Глуховским. По крайней мере, внешне. Начнём с того, что основная жизнь протекает на поверхности, а не в тоннелях метрополитена. Это несколько сбивает с толку, хотя авторы довольно подробно обосновывают такой расклад. Другой вопрос, насколько он реалистичен... Впрочем, основные приметы серии неизменны. Тут вам и разнообразные мутанты, с которыми по ходу действия приходится столкнуться героям. И утратившие моральный облик люди - некоторые просто пытаются пережить

ещё денёк под радиоактивным солнышком, другие же нашли себе утешение в радикальных идеях самого гнусного толка, от религиозного мракобесия до откровенного фашизма» [4, 40].

Еще одним сквозным мотивом, восходящим к Библии и проходящим через все повествование, становится мотив сакральной жертвы, когда Отец должен пожертвовать Сыном. Харон получает заказ от Круга адептов на убийство маленького мальчика, угрожающего Харьковскому миропорядку. Коллизия осложняется тем, что Харон в свое время потерял жену и сына и не может забыть трагедию. В Дане он видит того, потерянного им малыша, воспринимает его как собственного сына. И должен во второй раз утратить малыша. Здесь явные переключки как с сюжетом из Ветхого Завета, повествующем о жертвоприношении Авраама [Быт. 22, 1-18], так и с новозаветной историей, когда Бог Отец жертвует Богом Сыном для искупления первородного греха людей. В первом случае Господь явил милость, заменив сына Авраамова, Исаака, овном (агнцем), во втором жертва была принесена. Парадокс в том, что в «Слепящей пустоте» жертвой, в конце концов, становится не Сын, а именно Отец (настоящий отец Даньки). Таким образом библейский мотив получает новое звучание, как бы знаменуя получение человечеством еще одного Завета, постапокалиптического.

Пожалуй, наибольшее количество отсылок к Библии содержится в 6-й главе романа, названной «Пришедшие от великой скорби». Уже сам подзаголовок отсылает к Откровению св. Иоанна Богослова: «И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца» [Отк. 7, 13-14]. То есть, снова звучит мотив искупительной жертвы. Члены Великого Белого братства, основанного в середине 80-х годов XX века Марией Цвигун (принявшей имя Марии Дэви Христос Юсмалос), как и многие подобные им в «Слепящей пустоте» пытаются сделать из отрока Даньки искупительную жертву. Остро поставлена проблема лжепророков, ложных богов. Так, описывая внешность предводителя юсмаилитов, «архангела Навуфея», авторы говорят: «Данька знал, кто такие архангелы. Читали они с отцом пару книг из Библии, да и тетя Света частенько рассказывала детям о Боге и его посланниках. Так вот, незнакомый старикашка на них нисколечко не походил. Ни широких плеч, ни богатырской стати, ни огненного меча в руках и крыльев за спиной. И светящееся колечко над головой не висит» [6, 139]. Ложный пастырь пытается испытать пастыря истинного, бросив его в пасть двуглавого змия, дабы сбылось пророчество Исаии: «И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» [Ис. 11, 8]. Таким образом, в этой главе встречаются и пересекаются оба главных эсхатологических библейских текста. Ветхий Завет как бы проверяется на прочность Новым. В то же время мотив гигантского змея восходит к 3-й главе книги Бытие, повествующей об искушении Адама и Евы змием. То, что

пророчество сбывается, можно принять за настоящее чудо. Однако в финале становится понятным, что большинство так называемых «чудес» совершил не маленький герой, а опекающий его монстр, получивший имя Пустынный Лис.

Мотив изгнания из рая звучит и в 8-й главе «Неоконченная колыбельная», где Даня встречается с обезьяноподобными людьми-мутантами. Люди, утратившие рай, а вместе с ним и богоподобие, опустившиеся до полуживотного существования. И в то же время не в пример своим соседям сохранившие способность любить, жалеть, сопереживать. Духовный лидер человекообезьян, Шаман, цитирует Даньке отрывок из книги Исаии о ребенке, который предводительствует дикими животными, говоря, что библейский текст не следует «понимать буквально. Тут говорится о всеобщем единении. Об искоренении злобы в отношении разных существ» [6, 178]. В Шамане есть нечто от премудрого царя обезьян Ханумана из «Рамаяны».

Библейские мотивы черпались писателями не только из канонических книг. При внимательном прочтении можно усмотреть определенную связь «Слепящей пустоты» и с одним из известных апокрифических текстов «Хождение Богородицы по мукам». Не случайно с самого начала повествования то и дело акцентируется внимание на «девичьей» внешности главного героя: «Как же он ненавидел свою по-девчоночьи смазливую рожу. Овальную (как говорили взрослые: «правильный овал лица»), с пухлыми красными губами, тонкими бровями и большими голубыми глазами. И эти пушистые волосы цвета соломы. Разве настоящий мужчина должен быть красавчиком?!» [6, 59]. «И сам ты ничего, - говорит пареньку отец Павел, - лепообразный, хоть и драчун» [6, 102]. Путешествие Дани по постапокалиптическому Харькову с его ужасами можно сопоставить с хождением Богородицы по подземному царству и показом мук грешников. Хотя, конечно, это чисто внешние и, возможно, случайные сюжетные совпадения.

Таким образом, книга Андрея Чернецова и Валентина Лежнды «Слепящая пустота» буквально пронизана библейскими мотивами. Это проявляется и на уровне архитектоники, определяя композицию романа (хождение по мукам), и в отдельных элементах сюжета. Среди сквозных библейских мотивов основными являются мотивы жертвоприношения, лжепророков, появления Спасителя мира. Все это свидетельствует о тяготении соавторов к постмодернизму, что вообще характерно для творчества ряда представителей Харьковской школы фантастики, а также для поэтики ряда книг, входящих в цикл «Вселенная Метро 2033» (например, «Корни небес» Туллио Аволедо). Полагаем, что плодотворным было бы сравнить в плане использования реминисценций из Библии роман «Слепящая пустота» с другими произведениями А.Чернецова и В.Лежнды и прежде всего с романом «Конь бледный» из межавторского цикла «S.T.A.L.K.E.R.».

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Хельсинки, 1990.
2. Булгаков М. А. Белая гвардия // Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. / Сост., предисл., коммент. Л. М. Яновской. - К.: Днипро, 1989. - Т. 1.
3. Володихин Д. М. Андрей Чернецов / Д. М. Володихин // Фантасты современной Украины: Энциклопедический справочник. – Х.: ИД «Инвестор», 2007.
4. Козлов Э. Метро 2033: Слепящая пустота (рецензия) / Э. Козлов // Мир Фантастики. – 2012. - № 7.
5. Чернецов А., Леженда В. Метро 2033: Слепящая пустота. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2012.
6. Черный И. В. Валентин Леженда / И. В. Черный // Фантасты современной Украины: Энциклопедический справочник. – Х.: ИД «Инвестор», 2007.

Анотація

Статтю присвячено творчості сучасних харківських письменників-фантастів Андрія Чернецова та Валентина Леженди. Зокрема досліджується роман «Засліплююча пустота», дія якого відбувається у межах всесвіту «Метро 2033» і розгортається у Харкові. Розглянуто систему мотивів книги, у яких прослідковується зв'язок з Біблією.

Ключові слова: мотив, постапокаліптика, месіанство.

Аннотация

Статья посвящена творчеству современных харьковских писателей-фантастов Андрея Чернецова и Валентина Леженды. В частности исследуется роман «Слепящая пустота», действие которого происходит в рамках вселенной «Метро 2033» и разворачивается в Харькове. Рассмотрена система мотивов книги, в которых прослеживается связь с Библией.

Ключевые слова: мотив, постапокалиптика, мессианство.

Summary

The article is devoted to the activity of modern Kharkiv fantast writers Andrej Chernetsov and Valentine Legenda. In particular the novel “Blinding Emptiness”, describing the events in the world of “Metro 2033” which take place in Kharkiv, is analyzed. The system of motives of the novel connected with the Bible is examined.

Key words: motive, postapocalyptic, messianism.